

Смерть Тома Никона

Он крутил филеом для Hugo Boss,
Он скакал за кулисами в красных трусах,
Личико, припухшее от колес
Венчало стройные телеса.

Может, он лишний в топку закинул кокс,
Может, был брошен девицей исподтишка,
А, может, парнем, не принимавшим его всерьез,
Или, может, просто выпил лишка.

Может, он плакал, перед тем, как
Думал: Ну жизнь, ну, злобная сука.
Может, он пил вино и колотил бокал,
Набирал тщетно номер подруги, ну, или друга.

Может, он видел подиум, большой как смерть,
И себя, в красных трусах, бредущего под окно.
А, может, он не хотел ни на что смотреть,
Закрывал ладонью глаза - становилось темно.

Может, он был человеком высокой культуры,
И этот разрыв безжалостно жрал его.
Думал: люди, слепленные из гламура -
Люди, слепленные из ничего...

А, может, он был мудаком: лапал горничных и ругался,
Дрочил в фойе гостиницы, у зеркальной стены.
А, может, он мечтал о шпангоутах и о галсах,
Но красные труселя уже были ему суждены.

Как хорошо быть московским живым клошаром,
Когда в Милане богатый мальчик падает из окна.
Для каждого жизнь может стать сущим кошмаром,
У каждого - кровь красна и голова дурна.

Но я утешаю всех, я толкаю в спину, не говорю имен,
Не исповедую никого, не взвешиваю на весах,
Кровавые мальчики стоят в глазах у моих времен.
Я - тихая смерть в красных, как последний закат, трусах.